
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 338.26

В. Ф. ОНИЩЕНКО,
*профессор, доктор экономических наук,
профессор кафедры международных экономических отношений
Киевского национального торгово-экономического университета*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ *

Показано, что культура и институты развиваются комплементарно и определяют параметры воспроизводства социального капитала страны и ее экономики. Дана оценка социальных предпосылок экономического развития Украины. Рассмотрены понятия “доверие”, “проблема безбилетника”, “теневая экономика” и “общественная риторика” в контексте социального капитала.

Ключевые слова: дивергенция экономического развития, культура, институты, социальный капитал, доверие, “проблема безбилетника”, общественная риторика.

V. F. ONISHCHENKO,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Professor of the Department of International Economic Relations,
Kiev National University of Trade and Economics*

SOCIAL PRECONDITIONS FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF UKRAINE

It is shown that culture and institutions develop complementarily and determine parameters for reproduction of country's social capital and its economy. Social preconditions for Ukraine's economic development have been assessed. Concepts of “trust”, “free rider problem”, “shadow economy” and “social rhetoric” in the context of social capital have been considered.

Keywords: divergence of economic development, culture, institutions, social capital, trust, “free rider problem”, public rhetoric.

Государство делает слабым
нехватка не денег, а людей и талантов.
Вольтер

Проблема, к обсуждению которой В.М. Гец приглашает широкий круг экономистов Украины, на мой взгляд, является одной из наиболее актуальных, поскольку “...сегодня развитие в триаде “общество – государство – экономика” зависит от социального капитала, от того, будет ли он способен вывести на путь роста и страну, и ее экономику” [1, с. 5]. Но возникают вопросы: почему же в Украине за четверть века он так и не сформировался на должном уровне, чтобы прокладывать “путь роста”? почему мы погрязли в бедности, которая делает нас убогими материально и духовно? почему он не может вдохновить нацию к “великому побегу” из ее плена? [2].

© **Онищенко Владимир Филиппович (Onishchenko Vladimir Filippovich), 2017;** e-mail: ov2016@ukr.net.

* Статья публикуется в рамках дискуссии, начатой в № 8, 2016 г.

О проблемах преодоления экономической стагнации и бедности в Украине отечественные специалисты пишут давно и много: имеем основательный анализ проблем, теоретически знаем, как их решить и что делать, но не можем или не решаемся сделать стартовый рывок для побега из прошлого. Украина — единственное государство в Европе, которое на сегодня, по официальной статистике, имеет 49% своего ВВП 1988 г. (Грузия — соответственно, 75%, Россия — 115%, Венгрия — 130%, Польша — 240%), то есть ее экономика значительно деградировала. Страну банально разграбили при молчаливости ее народа, поэтому можно утверждать, что он стал соучастником этого позорного процесса. Так называемая национальная “элита”, плоть от плоти народа, при его потакании заняла ключевые позиции в политике и экономике, создала пронизанные коррупцией институты и приобщила к систематическому грабежу страны. А народ, который не привык отвечать за свой политический выбор (поскольку его и не было), которого приучили к бездеятельности и тотальной безответственности, наивно верил ее обещаниям, а следовательно — был безразличен к ним и к своей судьбе. Это последствия имперского и советского этатизма, мира рабства и безответственности, и чем скорее мы освободимся от их тисков, тем лучше заживем.

Проблема экономического развития Украины носит комплексный характер, а потому нуждается в исследованиях не только экономического направления, но и социологического, культурологического, политологического, правового и др. Иначе говоря, необходимо рассмотреть обозначенную проблему как целостность, с разных сторон и определить, почему мы не двигаемся к лучшей жизни и что нам мешает на этом пути.

Цель статьи — показать фундаментальное значение для экономического развития Украины цивилизационных установок ее населения, его культуры и социального капитала.

То, что Украина является бедным государством, — факт. Она оказалась в “ловушке бедности”, то есть механизме, который самоусиливается и воспроизводит условия, делающие невозможным прогрессивное развитие; страна погружается в стагнацию при низком уровне доходов; бедность порождает бедность (“эффект Матфея”). Культура бедности — культура выживания и пассивности; горизонт жизни — сегодняшний день. Бедный человек не способен вписываться в современную экономику и в современные интернациональные формы сотрудничества, у него ограниченные ресурсы для обучения, он заиклен на удовлетворении потребностей первой очереди.

Бедность тормозит все — развитие предпринимательства, инноваций и социальной сферы, а также политическую жизнь. Общество маргинализируется и не воспринимает ценности, присущие, скажем, развитым странам Европы. Демократия в бедной стране не возможна в европейском понимании, поскольку она закономерно перерастет в охлократию, для которой характерно процветание демагогии, популизма, насилия, беззакония и экстремизма. А потом, как свидетельствует история, утвердится диктатура. Бедный человек — это человек с умом и душой, затемненными бедностью, что, в свою очередь, определяет его политическую культуру, а потому, как отмечал Б. Шоу, “демократия не может стать выше уровня того человеческого материала, из которого созданы ее избиратели”.

Бедность порождает коррупцию: чем беднее страна, тем больше коррупция. В нашей стране она слишком высока. По оценке Киевского международного института социологии, половина (49,8%) взрослого населения Украины допускает свою

причастность к коррупционным действиям в том случае, когда это выгодно, то есть когда это может помочь решить какую-то собственную проблему. Доля тех, кто декларирует полную неприемлемость для себя коррупционной практики, составляет 37,4% опрошенных *. Это уже не банальная коррупция, которая есть везде, а способ хозяйствования, образ жизни значительной части населения страны.

Чтобы побороть бедность и настроиться на развитие, необходимы воля народа, терпение и тяжелый труд. В реформировании и обновлении нуждается вся наша жизнь – от экономики до морали. Но на это нужно время, и здесь уместно вспомнить тезис великого экономиста Л. Мизеса: “Разумные действия отличаются от неразумных тем, что предусматривают временные жертвы. Разумность тождественна дальновидности, предусмотрительности” [3, с. 14]. К сожалению, мы не смогли запустить реформы намного раньше. И виноваты в этом сами, поскольку боялись вступить в новую жизнь, поскольку нас прочно держало и до сих пор еще держит наше “советское” прошлое. Как сказав П. Сорокин: “Жизнь, судьба и деятельность каждого поколения определены жизнью и деятельностью предыдущих поколений. Каждое последующее поколение сковано неразрывной цепью с предыдущим” [4, с. 175]. Иначе говоря, чтобы выдать из себя рудименты прошлого, необходимо не одно поколение, но это время следует ускорить, воспользовавшись возможностями глобализации, как это сделали некоторые страны, которые в первую очередь переняли опыт успешных стран, понимание необходимости формирования нового качества общества и его социального капитала.

Почему случилось так, что Украина является беднейшим государством в Европе? Чтобы ответить на этот вопрос, поставим его шире – что делает одни страны богатыми, а другие – бедными? Как отмечает Э. Хелпман, “... со времен Адама Смита экономисты задаются этим вопросом. Но тайна экономического роста остается нераскрытой свыше двухсот лет” [5, с. 6]. Д. Норт также подчеркивает, что “главная загадка человеческой истории – как объяснить широкую дивергенцию траекторий исторических изменений. Как случилось, что общества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга?” [6, с. 21]. Есть разные точки зрения на эту проблему и разные теории, пытающиеся объяснить этот феномен.

Например, Д. Даймонд полагает (и не безосновательно), что важную роль в начальном процессе расхождений траекторий развития сыграли география и природные условия [7].

Сторонниками влияния культурного фактора на усиление расхождений являются Л. Харрисон [8], Д. Лал [9], С. Хантингтон, Ф. Фукуяма [10; 11]. К ним следует приобщить Д. Норта (подчеркивает определяющую роль представлений, убеждений, формальных и неформальных институтов) [12]; Д. Макклоски (акцентирует внимание на идеях и соответствующей им риторике, которые, на ее взгляд, создали современный экономический рост) [13]; Л. Мизеса (делает акцент на идеях и общественном мнении) [14]; Ф. Хайека (считает, что направление развития общества может быть изменено только через изменения идей) [15]; Э. Фелпса (полагает, что источником динамики современных экономик являются установки и убеждения) [16, с. 11].

Следует обратить внимание на взгляды популярного в Украине Э. Райнерта, который оперирует понятием “эмуляция” и утверждает, что “у истоков успешного

* Стан корупції в Україні. Порівняльний аналіз загальнонаціональних досліджень: 2007, 2009, 2011 та 2015. – С. 26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kiis.com.ua/materials/pr/20161602_corruption/Corruption%20in%20Ukraine%202015%20UKR.pdf.

развития лежит ... эмуляция (способность к имитации, перениманию опыта и т. д. с целью поравняться или превзойти. — *В.Ф.О.*), а не сравнительные преимущества или свободная торговля” [17, с. 24]. Эмуляция как способность конкретной нации воспринимать инновации, безусловно, определяется уровнем ее культуры (развитием образования, коммуникаций и др.). А что касается сравнительных преимуществ и свободной торговли, которые Э. Райнерт безосновательно критикует (замечу, что критика эта поддерживается некоторыми нашими известными экономистами и политиками), то он сознательно или в силу недостаточности знаний упрощает их природу, ведь сравнительные преимущества могут быть во всех сферах (и в том числе в эмуляции). К тому же он и его последователи, во-первых, преувеличивают значение убывающей отдачи как причины бедности, а возрастающей — как панацеи выхода из ловушки бедности; во-вторых, чтобы генерировать “возрастающую отдачу”, необходимо иметь соответствующую технологическую и промышленную культуру, а в общем контексте — экономическую культуру.

Многие (в том числе и А. Дитон) полагают, что промышленная революция, начавшись в Великобритании в XVIII—XIX вв., повлекла за собой экономический рост, открывший для людей путь побега из ловушки материальных страданий. Противоположным аспектом промышленной революции стало “Великое расхождение между Западом и остальным миром” [2, с. 20]. О том, почему так произошло, написано много, и практически большинство авторов считают, что толчком к промышленной революции и развитию капиталистических отношений в Европе послужило Возрождение — культурный феномен, сделавший человека краеугольным камнем прогресса.

Большое значение для развития стран имеют институты. К сторонникам их решающей роли принадлежат Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [18], Э. Хелпман [5], Э. де Сото [19], Л. Бальцеревич и А. Жоньца [20]. Подчеркну, что, по мнению всех выдающихся представителей экономической мысли, культура и институты являются теми факторами, которые определяют динамику экономического и социального развития той или иной нации, страны, региона, а расхождения мнений — в акцентах.

В контексте институционального подхода следует обратить внимание на книгу Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [18], где они обосновывают примат институтов. Что касается их концепции, то с ней следует согласиться, но с определенными предостережениями: география и культура имеют значение; география повлияла на формирование культуры, а культура обуславливает институты. Кстати, именно география дала толчок к развитию агрокультуры, в результате чего возник избыток продовольствия, что, в свою очередь, обеспечило появление новых орудий и видов труда, новых форм организации материального производства и общественной жизни, городов, государств, разнообразных институтов. Д. Даймонд убедительно доказал этот факт [7], в силу чего критиковать его не совсем корректно [18, с. 71–82].

Далее Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон говорят о “культурном детерминизме”, но то, что они безапелляционно отбрасывают культуру и не исследуют ее влияние на институты, считаю ошибкой. К тому же, критикуя “культурологический подход”, они забывают определить понятие “культура” [18, с. 82–91]. Следует заметить, что никто из известных авторов не является его фанатичным сторонником: большинство из них рассматривают культуру и институты в контексте синергетического симбиоза.

Чтобы опровергнуть влияние культуры на развитие, авторы апеллируют к примерам, когда одни народы разделены между государствами, разными по политиче-

скому устройству. В частности, они говорят о территориях, которые когда-то были гомогенными по культуре, но сегодня стали совершенно разными по экономике и жизни людей. Они правильно замечают, что в разных частях Кореи существуют разные институты, создающие разные стимулы, и делают вывод: “Таким образом, ...в Корею любые культурные отличия между севером и югом являются следствием разного уровня жизни, а не его причиной” [18, с. 84]. Следовало бы сказать “разных политических и экономических систем и их институтов”, а не “разного уровня жизни”. И, что важно, воплощение институтов на севере Кореи шло параллельно с насильственным формированием новой массовой культуры, которая соответствовала идеологии правящей клики. Поэтому здесь уровень жизни ни к чему – он является следствием жесткой диктатуры, политики изоляции и милитаризации общества.

Отмечу, что для корректности авторам необходимо было бы исследовать влияние культуры на уровень и качество жизни в равных институциональных условиях, как это сделал Л. Харрисон. Кстати, он показал, как разная коренная культура населения США влечет за собой разный уровень жизни в равных институциональных условиях [8, с. 169–250].

Культура и институты взаимосвязаны через отношения взаимодействия. Но в этой связке культура дает толчки к появлению новых или изменению существующих институтов, определяя предпосылки, которые впоследствии могут изменять общество. На мой взгляд, именно “случайные мутации”, определяющие “дрейф институтов” (развитие их в том или ином направлении) [18, с. 152, 569], зависят от спонтанного и управляемого “дрейфа генов культуры” как устойчивых базовых мировоззренческих ценностей того или иного социального образования и его членов.

Например, по мнению Л. Харрисона, разница в том, что одни страны и этнические группы живут лучше, чем другие, обусловлена “влиянием культуры, ценностей и установок страны, общества или этнических групп, а также институтов, отображающих и укрепляющих эти ценности и установки. Без этого не понять того, почему некоторые страны достигли значительного успеха в создании демократических институтов и в обеспечении социального равенства, а большинству этого не удалось” [8, с. 15].

Э. Фелпс также подчеркивает особое значение культуры для экономического развития: “...Как бы важны ни были институты и экономическая политика, мы должны признать, что каждая экономика – это культура или смесь культур, а не только программ, законов и институтов. Экономическая культура страны состоит из преобладающих установок, норм и предложений относительно бизнеса, труда и других аспектов экономики” [16, с. 4]. Культура влияет на все аспекты человеческой деятельности, более того – она формирует основные детерминантные и доминантные параметры экономического поведения. Как доказывает Э. Фелпс, культура определяет интенсивность “низовых инноваций”, то есть инноваций, которые генерируются массами, что очень важно для понимания того, почему одни нации являются инновационными и процветают, а другие – нет.

А. Алесина и П. Джулиано сделали подробный анализ собственных и мировых исследований по проблеме взаимосвязи культуры и институтов, придя к выводу: “Культура и институты взаимодействуют и развиваются комплементарно, с эффектами обратной связи между ними. Таким образом, одни и те же институты могут функционировать по-разному в разных культурах, а культура может развиваться по-разному в зависимости от типов институтов... Но общая динамика культуры и институтов может быть намного сложнее и с высокой нелинейностью” [21, с. 51].

Чтобы понять связь культуры и институтов, необходимо определиться с тем, что именно мы понимаем под “культурой”. Л. Харрисон считает, что “культура — это связанная (открытая и способная к саморазвитию. — *В.Ф.О.*) система ценностей, установок и институтов, влияющих на все аспекты личного и коллективного поведения” [8, с. 18] конкретного социума. Но, как по мне, то слово “институты” следует изъять из этого определения по некоторым соображениям.

Известно, что только человеку присуще понимание ограниченности своей жизни, а потому он осмысленно нацелен на ее сохранение и продолжение, на воспроизводство оптимальных (комфортных) условий собственного существования, что проявляется в его ценностях и потребностях. Но для этого человек должен иметь: 1) представление (модель) о внешней среде (Мире) своего бытия; 2) концепт (модель) собственной жизни (систему ценностей и потребностей); 3) механизм реализации этого концепта. Представление о Мире и концепт жизни — культура, а механизм их реализации — институты как правила взаимодействия людей в социуме и с внешним миром в целях реализации культурного концепта, установления и поддержания в сообществе, к которому они относятся, социального гомеостаза.

Понятно, что от того, какие ценности, установки и потребности присущи определенному обществу, зависит система его институтов. На эту тему много сказано Д. Нортгом, Л. Мизесом, Ф. Хайеком и другими. Но в контексте нашей проблемы обратим внимание на теорию Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, которые исследуют экономические и политические институты с позиций их общественной эффективности. Они делят их на две группы: 1) *инклюзивные* (которые стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, защищают частную собственность, внедряют и поддерживают беспристрастную систему судопроизводства, создают равные возможности для участия всех в экономической активности, обеспечивают свободное вхождение компаний на рынок, а также свободный выбор профессий и карьеры для всех граждан); 2) *экстрактивные* (которые нацелены на максимизацию доходов через эксплуатацию одной части общества и их перераспределение на обогащение его второй части) [18, с. 104–108, 567–569].

Авторы закономерно задаются вопросом: если инклюзивные институты ведут к процветанию страны, то почему их однозначно не выбирают ее граждане и элита? На мой взгляд, это важный вопрос, на который авторы не дают четкого ответа. В их трактовке “экономические институты, способствующие росту, могут изменить баланс богатства и власти в обществе таким образом, что диктатор и другие властные элиты от этого только проигрывают” [18, с. 118]. Это так, но приверженность элиты и ее народа к определенным институтам обусловлена их природой, историей и эволюцией.

По своему смыслу инклюзивные институты являются рыночными, то есть естественными, спонтанно порожденными практикой расширенной человеческой деятельности. Они отображают естественное стремление человека к свободе и справедливости, к эффективной жизни в соответствии с талантами и характером каждого, к реализации собственного потенциала. Но для существования инклюзивных экономических институтов необходимы политические институты, такие же по природе, о чем неоднократно напоминают авторы. Это основанные на демократии и либерализме институты, исторически возникшие не так давно (Большая хартия вольностей (1215 г.), выборный парламент Англии (1265 г.), Акт Habeas Corpus (1679 г.), Glorious revolution (1688 г.), Конституция США (1787 г.), Билль о правах (1791 г.)).

Но существует и иное, что правит человеком и является его естественной потребностью, — власть, которая дает ее принципалу абсолютные конкурентные пре-

имущества над подвластными практически во всем. Стремление к власти присуще всем людям, оно выступает проявлением инстинкта доминантности, который обусловлен базовым инстинктом — инстинктом самосохранения. Власть — это базовая социальная ценность, реализуемая через определенный институциональный каркас, в котором главенствующее место на протяжении тысячелетий занимает личная власть (вождя, царя, фараона и т. п.). Чтобы реализовать ее в формате конкретной власти, необходима поддержка части общества, которая потребует за это от принцепала часть власти и материальных достатков в виде “ренды за преданность”. Так возникают экстрактивные институты — тоже как естественный продукт человеческого бытия. Экстрактивные институты исторически предшествуют инклюзивным, которые вырастают из них. По сути, последние возникли и начали развиваться с капитализмом как новая, более продуктивная институциональная форма экономических отношений. Но известно, что это развитие было и есть неравномерным, а потому общества стоят на разных ступенях общественных и экономических отношений, и там, где они менее развиты в парадигме демократии, население склонно к автократии и соответствующим институтам. Безусловно, действующая экстрактивная власть оказывает сопротивление возможным изменениям и побеждает, если население не готово к радикальным действиям.

В этом контексте необходимо подчеркнуть, что идеи, а не только стремление к реализации экономических интересов играют значительную роль в становлении и развитии экстрактивного институционального порядка в конкретном обществе. Прежде всего, речь идет о режимах прокоммунистического или социалистического толка (КНДР, Куба, Венесуэла, Боливия), а также о странах с преимущественно авторитарным правлением (Россия, Иран и практически все страны арабского мира) или о развивающихся странах, для которых существует высокий риск авторитаризма. Приход к власти этих режимов сопровождается, как правило, поиском национальных ценностей и национальной идеи, то есть формированием и активным внедрением государственной идеологии и ее насаждением (социализма, исламского фундаментализма, “русского мира” и др.), что, в конечном счете, приводит к авторитарным режимам. В данном случае речь идет не вообще об идеологиях как о системах взглядов, которые в своем разнообразии всегда должны иметь место в демократическом обществе, а о государственной, то есть идеологии, которая сводится к рангу ведущей государственной скрепы. Во всех авторитарных обществах лидеры (или лидеры) начинали свой путь к власти с этого. Идеи постоянно продуцируются человеком, и у него постоянно возникает желание осчастливить какой-то из них Человечество, заставив его исповедовать ее и жить по определенным нормам. Поэтому я не разделяю точку зрения о необходимости поиска национальной идеи, а также систематизации и укоренения национальных ценностей. Главная идея и ценность для человека — быть счастливым, а понимание счастья у людей разное.

Следует отметить, что любые идеи в той или иной степени всегда распространены среди населения определенной страны. Они имеют своих адептов и последователей. Примеры: Россия, где просоветская идеология является важной составляющей общественного сознания; Беларусь — “остров” социализма; в Украине заметная часть населения ностальгирует за социалистическим прошлым и “сильной рукой”. А это — питательная среда для экстрактивных институтов, которая всегда будет их воспроизводить в разных формах, которые, в свою очередь, всегда будут противостоять инклюзивным.

Замечу, что либерализм отличается от других идеологий тем, что в его основе лежат уважение к человеку, его свободе и его собственности, равенство перед зако-

ном и консенсусная парадигма общественного договора. Либерализм и комплементарная к нему инклюзивная система институтов не могут существовать в условиях господства какой-то одной идеологии. Кстати, в этом заключается проблема Китая, который пытается объединить рыночную экономику с государственной прокоммунистической идеологией.

Склонность людей к экстрактивным институтам объясняется также “исторической колеей” развития общества, которая во многом определяет его траекторию на будущее, поскольку в ее рамках сформировались определенная политическая культура и политические институты. Очевидно, если общество продолжительное время жило в системе демократических ценностей, ставших для него базовыми, то оно однозначно будет выбирать политиков, способных формировать и эффективно развивать инклюзивные политические и экономические институты. А если, скажем, украинцы длительное время (столетия) жили в империях, в условиях, которые не способствовали укоренению демократии как способа организации общества, то сознание и выбор большинства населения Украины тяготеют к экстрактивным институтам. Об этом, кстати, свидетельствуют результаты социологических опросов, характеризующих его политическую и экономическую культуру.

Политические предпочтения украинцев являются “размытыми” и маргинальными и по сути зависят от лидеров той или иной из “партийных группировок”. Либерализм поддерживают 3,6% опрошенных, за социал-демократов и национал-демократов — 34,2%, но что это за политические течения, мало кто знает. Многопартийную систему в государстве поддерживают 35,8% опрошенных, “против” — соответственно, 38,6%, а “трудно сказать” (в принципе безразличных) — 25,6%. Вывод — народу безразлично. Население является пассивным как граждане, ведь 25% его не желают идти на выборы. На вопрос, какую личную ответственность несут украинцы за состояние дел в целом в Украине, 56,1% сказали, что никакую, 30,1% — что частичную, и 3% — что полную. В городе или селе проживания соответствующие показатели составили 47,4%, 38,1% и 3,8%. Кстати, 60,4% наших граждан полагают, что несколько сильных руководителей могут сделать для страны больше, чем законы и дискуссии*.

Что касается экономических институтов, то украинцы тоже не воспринимают их демократического формата. Как свидетельствует мониторинг, жизнь не убедила их в эффективности рыночной экономики. За то, чтобы минимизировать участие государства в экономике, — 12,8%, за возврат к плановой экономике (считай “к социализму”) — 25%, за смешанный тип экономики — 49,9%. И что примечательно, только 31,7% опрошенных воспринимают рыночные ценности (скорее воспринимают — 23,1% и однозначно воспринимают — 8,6%); не воспринимают — 44,2% (скорее не воспринимают — 30% и однозначно не воспринимают — 14,2%). Только 11,3% опрошенных полагают, что экономику Украины следует развивать преимущественно (9,5%) и исключительно (1,8%) на основе частной собственности. Лишь 33% являются сторонниками мнения, что бизнес и предпринимательство играют ключевую роль в обществе**.

Состояние политической и экономической культуры населения Украины мешает ей развивать демократические институты. Для объяснения причин этого уместно обратиться к анализу так называемой “новой австрийской институциональной

* Таблиці моніторингового опитування “Українське суспільство”, 2015 р. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : http://i-soc.com.ua/institute/el_library.php.

** Там же.

школы” и ее теории приживаемости институтов, который сделал А. Заостровцев [22]. Известно, что институты формально по происхождению делятся на экзогенные и эндогенные. Австрийцы (Беттке, Койн, П. Лисон) делят экзогенные институты еще на: а) введенные извне (foreign introduced exogenous – FEX); б) введенные из середины (внутренне, “сверху”, например, правительством страны) (indigenously introduced exogenous – IEX). Что касается эндогенных институтов (indigenously introduced endogenous – IE), то авторы определяют их как такие, которые включают местные нормы, обычаи и практики, которые со временем в конкретных местах развились как неформальные, то есть больше известные как “неформальные институты” [22, с. 74–75]. На основе такой классификации авторы исследуют “жизнеспособность” институтов в той или иной стране. По их логике (и она справедлива), “жизнеспособность” экзогенных институтов типа FEX определяется их комплементарностью с эндогенными (IE). Чтобы процесс приживания FEX состоялся, необходимо, чтобы их имплементация проходила через институты типа IEX, которые, понятно, должны быть более соответствующими эндогенным (IE) в тех их качествах, которые способствуют развитию страны. И таким образом постепенно, через коэволюцию экзогенных и эндогенных институтов, возможно “сконструировать” институты, которые бы были жизнеспособными и эффективными для конкретного общества (скажем, Украины). Это путь эволюционный: он длинный и, с учетом динамики глобальных социально-экономических процессов, может повлечь за собой еще большее отставание страны.

Есть иной путь, о котором напоминает Б. Данилишин, – воплощение “сверху” институтов для стран неэндогенного капитализма [23, с. 52–54]. Но возникает вопрос механизма воплощения, ведь это возможно сделать по двум стратегиям: 1) “жесткой силы” (*hard power*); 2) “мягкой силы” (*soft power*). Первая из них не приведет к успеху, поскольку в данном случае культура приживается, а не навязывается. Вторая – это именно та, которая отвечает цели (трансформировать культуру Украины в европейском направлении), но есть предостережения в отношении ее эволюционного характера. Поэтому следует выбрать третью стратегию: 3) “настойчивой мягкой силы” (*persistent soft power*). Она должна предусматривать активную риторику, активные научные и гуманитарные связи, эффективные социальные лифты для формирования национальной элиты и т. п.

Что касается заимствования институтов, присущих рыночной экономике и устойчивым демократическим государствам, то следует согласиться с точкой зрения Ф. Хайека на то, что современный социальный порядок является следствием не сознательного планирования, а выживания более эффективных институтов в процессе конкуренции [15, с. 476]. Иначе говоря, поскольку речь идет об институтах, эффективность которых проверена историей успешных европейских стран, то именно их необходимо постепенно воплощать, активно разъясняя гражданам их смысл и эффект для каждого. “Сознательное планирование” необходимо нам при определении системности и согласованности введения этих институтов, а также в подготовке граждан к их восприятию.

Следует согласиться с мнением, что изменения должна инициировать элита общества [23, с. 52–58], но не такая, как наша, о достоинствах и недостатках, политическом невежестве и популизме которой народ хорошо знает. Настоящая элита, смыслом жизни которой является Украина, только нарождается. И далее, что касается роли “лидера нации”, то она, безусловно, важна. Но что касается взглядов Г. Мюрдаля, на которые ссылается Б. Данилишин, то возникает ряд вопросов: где

найти “лидера нации”? как это вписывается в парадигму демократии? где гарантии от диктатуры? Примеры – В. Путин, Р. Эрдоган, Н. Мадуро и другие.

Институты, имплементируемые в Украине, основываются на либеральной парадигме. Пока реформы, мягко говоря, идут медленно из-за явного и латентного сопротивления обычных граждан и “элиты” общества. В. Автономов пришел к выводу, с которым следует согласиться, о том, что либерализм имеет в своей основе *свободу, ее место в иерархии человеческих ценностей и рациональный расчет* [24]. В зависимости от соотношения “свобода – материальная выгода” надлежит выстраивать экономическую политику государства в парадигме рыночных ценностей. Как справедливо замечает В. Автономов, “в развивающихся странах и “посткоммунистических” свобода занимает достаточно низкое место в иерархии ценностей. В таком случае при проведении либеральной экономической политики остается надеяться на стимул материальной выгоды. А поскольку материальная выгода сразу не очевидна и наступает только в отдаленной перспективе, то либерализм, опирающийся только на материальную выгоду, неизбежно становится патерналистским” [24, с. 22]. Кстати, это характерно для нашего государства: в 2016 г. что касается соотношения “свобода – материальный достаток”, то из опрошенных украинцев 35,4% полностью отдали предпочтение свободе, 34,3% не смогли определиться и 30,3% отдали предпочтение материальной стороне *. Но по сути в условиях бедности предпочтение материальным достаткам отдадут 65% населения. Вывод очевиден: если государство не способно прокормить свое население, то оно должно предоставить ему право сделать это самостоятельно, а на себя взять роль эффективного арбитра, а не кормильца.

Обратимся к оценке культуры населения Украины в контексте его способности к прогрессу. По мнению Л. Харрисона, “...к культурным силам, способствующим или угнетающим развитие творческих способностей человека, которые влияют на возможность реализации модели общественной жизни, относятся четыре фундаментальных фактора: 1) радиус доверия или ощущение общности; 2) жесткость системы морали; 3) стиль и методы власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям и прибыли. Анализ этих четырех факторов может прояснить связь между ценностями и прогрессом” [8, с. 19]. Что касается Украины, то оценка этих “фундаментальных факторов” с помощью экспертов указывает, что присущие нам “культурные силы” не содействуют развитию творческих способностей людей и общества, то есть социального капитала (табл. 1).

Таблица 1

Экспертная оценка “факторов культуры” Украины *

Координаты культуры	Оценка для Украины
Радиус доверия или ощущение общности	Небольшой – ограничивается семьей и родственниками
Жесткость системы морали	Низкая
Стиль и методы отправления власти	Больше авторитарные, чем демократические; население склонно к патернализму, но не доверяет государству
Отношение к труду, новаторству, сбережениям и прибыли	Отношение ниже среднего; бедность нивелирует попытки накапливать и инвестировать; частная собственность не является приоритетом; рынку не доверяет большинство населения

* Экспертная оценка автора.

* Громадська думка про права людини в Україні [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dif.org.ua/article/dumka_prava_lyudyny.

Л. Харрисон воспользовался также типологией культур М. Грондони, которая, по его мнению, подробнее описывает типы культур, деля их на: 1) прогрессивную как такую, которая способствует развитию; 2) оппортунистическую как такую, которая тормозит развитие [8, с. 26–28]. Оценки, проведенные с помощью экспертов, показывают, что культура Украины не является прогрессивной (табл. 2). Безусловно, что оценки являются дискуссионными и нуждаются в уточнении, но более или менее отображают реальную ситуацию.

Таблица 2

Украина в координатах культурного дискурса М. Грондони

Составляющие культуры	Прогрессивная культура *	Оппортунистическая культура *
Религия.....	–	+
Богатство.....	–	+
Конкуренция.....	–	+
Экономическая справедливость	–	+
Труд.....	–	+
Инакомыслие.....	+	–
Образование.....	+	–
Прагматизм, рационализм, эмпиризм, утилитаризм.....	–	+
Ориентация во времени.....	–	+
Мир.....	–	+
Жизнь.....	–	+
Оптимизм.....	–	+

* Экспертная оценка автора; (+) – признак превалирует; (–) – признак не превалирует.

Наши ментальность и культура многое унаследовали из советского прошлого. Одним из факторов живучести “советской культуры” является значительный удельный вес в демографической структуре нашей страны старших людей. По оценке на 1 января 2017 г. численность постоянного населения Украины составила 42,6 млн. чел., из которых 69% – жители городских поселений и 31% – жители сельской местности. При этом численность лиц в возрасте 60 лет и старше достигла около 22%, а старше 65 лет – 16%*.

Кстати, опираясь на социологические исследования, Г. Чепурко приходит к таким выводам: приблизительно поровну (по 25%) опрошенных придерживаются мнения, что украинская культура тяготеет к восточноевропейской и западноевропейской, а 45% справедливо полагают, что украинская культура является результатом напряженного столкновения между ними двумя, и, отмечу, это столкновение набирает новую силу и приобретает новых акторов [25]. Впоследствии победит западный вектор, поскольку у “русского мира” не хватит сил для победы, ведь за ним, кроме слов, ничего нет.

Культура формирует человеческие интенции и действия по их реализации в предметные и духовные формы. Именно интенциональность общества и его отдельных членов и является залогом достижения цели, сформированной в пределах ценностных координат общества.

Интенциональность возможно поделить на *созерцательную* (пассивную) и *конструктивную* (активную). Именно конструктивная интенциональность является основой инновационного развития – в отличие от созерцательной, порожденной

* Чисельність та склад населення України [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.ukrstat.gov.ua/metaopus/2017/1_01_01_03_2017.htm.

склонностью к традициям и эволюционизму. Зададимся вопросом: к какой интенциональности и культуре относится большинство населения Украины — пассивной или активной? Способно ли оно к эндогенной инновационности, в понимании Э. Фелпса, и активному восприятию экзогенной инновационности? Ответ очевиден — наша интенциональность пассивна, и мы не можем пока активно воспроизводить инновации и “эмулировать” их.

Обратимся к проблеме социального капитала, воспроизводство которого основывается на культурной парадигме общества. Социальный капитал, по мнению Ф. Фукуямы, можно определить как набор неформальных ценностей и норм, которые разделяются членами группы и делают возможным сотрудничество внутри этой группы [10, с. 30]. Или, как считает Р. Патнем, социальный капитал — это способность общественных групп к коллективным действиям ради достижения общей цели [26, с. 34].

О социальном капитале написано много, но его структура, качественная и количественная оценки, эффективность — вопрос открытый. Замечу, что в приведенных определениях понятия “социальный капитал” не понятно, о каком “сотрудничестве внутри этой группы” или о каких “коллективных действиях ради достижения общей цели” может идти речь, то есть что является целью его реализации. К тому же “сотрудничество”, “коллективные действия” и “общая цель” могут быть навязаны обществу или конкретному сообществу. Отмечу, что Ф. Фукуяма и Р. Патнем понимали эту слабость своих определений, а потому оговаривали разные варианты их применения. По моему мнению, в общем понимании *социальный капитал общества* — это способность общества расширенно воспроизводить собственные социальные отношения в контексте прогрессивного роста качества жизни граждан: чем выше динамика его роста, тем выше уровень социального капитала и эффективность его реализации. Что же касается *социального капитала общественной группы*, то следует согласиться с определением Р. Патнема, но с уточнением “общей цели” — такой, которая не противоречит ценностям, моральным и этическим нормам и законам государства, на территории которого действует общественная группа.

Важное значение как одно из условий воспроизводства социального капитала имеет категория “доверие”, поскольку без него не может быть эффективных “коллективных действий”. О нем написано много, а популярность этой темы обязана Ф. Фукуяме. Доверие вошло и в экономический дискурс — с ним связывают экономическое развитие и становление посткапиталистического общества. Например, Ф. Фукуяма пишет, что успех “самореализации” конкретного общества зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, а от уровня доверия, существующего в обществе [11, с. 127]. Утверждение это преувеличено и метафорично, но влияние доверия на успех “самореализации” общества как коллективного действия не вызывает сомнений.

Если говорить о “доверии” как о социально-экономической категории, то на индивидуальном уровне доверие — это ожидание одним человеком от другого действия, которое ему нужно для реализации собственных интересов. На уровне социальных группировок это оценка каждым их членом вероятности того, что все остальные будут вести себя и действовать согласно его ожиданиям. Уровень доверия — это вероятность такого действия. Следовательно, доверие — это ожидание, вероятность того, что определенные субъекты будут вести себя согласно принятым (или согласованным) нормам, не во вред интересам тех, кто эти нормы разделяет.

Известно, что уровень доверия влияет: 1) на уровень транзакционных издержек в обществе — чем выше доверие, тем меньше издержки (теорема Коуза), при

этом общественные институты работают эффективно; 2) на решение “проблемы безбилетника” и ее последствий; 3) на развитие частной собственности и бизнеса; 4) на другие характеристики.

Формальный логический анализ в контексте авторского определения социального капитала показывает, что высокий уровень доверия – это необходимое, но не достаточное условие формирования высокого уровня социального капитала общества, поскольку при высоком уровне доверия социальный капитал может быть низким (КНДР, Куба и другие страны с авторитарными режимами). Что касается связи социального капитала, социально-экономического развития и доверия, то высокий уровень социального капитала общества является необходимым и достаточным условием его высокого социально-экономического развития, но доверие является необходимым, а не достаточным условием такого развития.

Обратимся к результатам социологического мониторинга в тех его частях, которые характеризуют условия воспроизводства социального капитала Украины *. Начнем с “доверия”. Мониторинг подтверждает, что больше всего (93,7% опрошенных) украинцы доверяют семье и родственникам, а в интервале 52–57% – соотечественникам, соседям и коллегам. Что касается властных структур, то население им не доверяет (табл. 3). При таком состоянии доверия делать реформы очень проблематично.

Таблица 3

Уровень доверия к власти в Украине *

Объекты доверия	Доверяют (% опрошенных)	Не доверяют (% опрошенных)	Баланс
Налоговая.....	6,4	68,5	-62,1
Полиция.....	6,6	74,0	-67,4
Прокуратура.....	6,3	74,9	-68,6
Суды.....	6,2	74,9	-68,7
Президент.....	17,7	55,8	-38,1
Верховная Рада.....	8,4	70,0	-61,6
Правительство.....	9,2	69,0	-59,8
Местная власть.....	16,2	56,4	-40,2
Политические партии.....	5,1	74,9	-69,8
СМИ.....	19,3	51,1	-31,8

* Составлено автором по данным: Таблиці моніторингового опитування “Українське суспільство”, 2015 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://i-soc.com.ua/institute/el_library.php.

Но следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: что действительно показывает “уровень доверия”, и возможно ли безапелляционно считать его признаком развития социального капитала общества? Приведу пример: В. Новиков пишет, что средне статистически уровень доверия в Украине составляет 29%. “Если учесть, что 55 стран из исследованных имеют уровень доверия менее 20%, то нет оснований говорить о *плохом показателе социального капитала*. Наши соседи почти все выглядят хуже нас: Румыния – 15%, Россия – 24%, Белорусь – 34%, Польша – 25%, Венгрия – 13%, Словакия – 21%, Молдова – 12%” [27]. Но если в КНДР показатель доверия на всех уровнях достигает 100%, то получается, что социальный капитал этого государства является лучшим в мире? Но, как отмечалось,

* Таблиці моніторингового опитування “Українське суспільство”, 2015 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://i-soc.com.ua/institute/el_library.php.

высокое доверие не является достаточным условием высокого уровня социального капитала.

Нужно заметить, что сопоставлять “уровень доверия” в разрезе стран не совсем корректно, ведь “доверие” — это качественная характеристика. Не следует также для сопоставления усреднять результаты социологических опросов по странам, поскольку они могут отображать формально одинаковые, но качественно разные явления, процессы и т. п. К тому же каждое общество имеет собственное упорядоченное множество интересов и целей, разное восприятие их социальной средой, свою коммуникационную культуру, что, в свою очередь, делает социологические исследования в национальном контексте специфическими.

Что касается уровня доверия, то он имеет неоднозначное толкование. Так, высокий уровень доверия может свидетельствовать о конформизме, безразличии, неосведомленности, идеологической зашоренности, влиянии тотальной пропаганды и т. п., а низкий уровень доверия является признаком необходимости изменений. Потребность в изменениях — как стремление к лучшему — требует недоверия к существующему как его отрицания и замены чем-то лучшим. Недоверие — двигатель прогресса: чем больше людей не доверяют, тем выше вероятность изменений, качество которых должно определять общество. Поэтому при оценках уровня доверия необходимо понимать, каким общественным процессам и явлениям, а также “кому и чему” люди не доверяют.

О доверии написано много, а о “проблеме безбилетника” — мало, хотя состояние ее решения свидетельствует о социальной зрелости общества, об уровне развития и реализации социального капитала. Общественная пассивность граждан прямо влияет на потери общества от действий “безбилетников”: чем она выше, тем больше “безбилетников”. Поэтому создание нетерпимого окружения является реальным способом негосударственного решения “проблемы безбилетника” [28, с. 64]. К сожалению, недоверие украинцев к государству, невосприятие его интересов сквозь призму собственных не способствуют этой борьбе.

Наибольшее зло от “безбилетников” — неуплата налогов. По информации Счетной палаты Украины, за 2014–2016 гг. долг по налогам, сборам и платежам в государственный бюджет вырос в 3,8 раза и на 1 января 2017 г. достиг почти 59 млрд грн. *. При этом можно быть уверенным, что далеко не все учтено. Потому нужно принимать жесткие законы по уплате налогов, как это имеет место в странах ЕС, а особенно — в США, где неуплата налогов — это преступное деяние, составляющее немного более низкую степень общественной опасности, чем преднамеренное убийство. А в Украине в 2015 г. органами налоговой милиции было зарегистрировано 1665 уголовных производств о неуплате налогов, тогда как до суда дошли только 64 дела, из которых 15 — обвинительные **.

Проблема неуплаты налогов — следствие тенизации экономики, являющейся в определенной степени продуктом деятельности “безбилетников”. Исследование результатов оценки теневой экономики в Украине по разным методикам свидетельствует, что уровень тенизации национальной экономики высок. По методу “расхо-

* Чому управління податковим боргом в Україні залишається неефективним і непрозорим [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ac-rada.gov.ua/control/main/uk/publish/article/16750982;jsessionid=D60DAA69DBA9F740F748A8149175FFB9>.

** Статистика щодо кримінальних проваджень за ст. 212 КК України [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://kmp.ua/ua/analytics/infoletters/statistics-of-criminal-proceedings-under-art-212-of-the-criminal-code-of-ukraine/>.

ды населения – розничный товарооборот” Минэкономразвития Украины зафиксировало уровень теневой экономики в 2016 г. – 51% *.

Масштабы тенизации национальной экономики указывают на латентность процессов формирования доходов значительной численности населения. В таких условиях очевидно, что в Украине реальная проблема неравенства в распределении доходов намного острее, чем это показывают данные официальной статистики. Заметим, что в теневом доходе населения Украины около 40% принадлежит самой богатой, десятой децильной группе. Кроме того, доля этой группы в распределении теневых доходов существенно превышает соответствующую долю по общим доходам [29, с. 140].

Примечательно, что украинцы как-то странно живут. Для нас наибольшими позитивами в истории Украины являются “основание Киевской Руси” (28,2%) и “крещение Руси” (23,3%), а “провозглашение независимости Украины в 1991 г.” и “Майдан 2013–2014 гг.” расцениваются на уровне, соответственно, 36,7% и 17,5% **. Люди живут прошлым, а чтобы жить лучше, необходимо жить сегодняшним днем и будущим. Необходимо формировать у людей образы будущего, которые бы вдохновляли их на переформатирование собственной жизни. Поэтому на общество необходимо осуществлять информационное давление или, как его называет Д. Макклоски, “давление риторики”, под которым она понимает коммуникационное влияние на формирование в обществе определенной экономической ментальности и культуры [13]. В этом понимании сегодня, как никогда, риторика имеет огромное значение для формирования определенных моделей общественного и экономического поведения людей, а также, естественно, представлений об общественных институтах будущего и отношения к существующим.

М. Монтень метко заметил: “Fortis imagination generat casum” (“сильное воображение порождает событие”) [30, с. 87]. Воображение в сочетании с неразвитым общественным разумом и сознанием порождает химеры, надежды и страхи в духе офортов Ф. Гойи. Риторика и сильное воображение породили “русский мир”, “крымнаш”, “новороссию” и “украинский фашизм” и много другого идеологического бреда. Сегодняшняя риторика в нашем обществе приводит к власти популистов, политических маргиналов, которые “не ведают, что творят”, которые своими действиями ставят страну перед пропастью небытия. Социология показывает, что 11,7% наших людей настроены радикально, что, как свидетельствует история, слишком много ***. Но есть здоровые политические силы, и они должны быть активными, поскольку сегодня популизм и радикализм во всем мире чрезвычайно агрессивны.

Необходимо значительно активизировать просветительскую деятельность экономистов – с тем, чтобы изменить “антикапиталистическую ментальность” нации и обратить ее к исповеданию демократических рыночных основ хозяйствования. Экономисты должны выйти на телевидение, на полосы газет и журналов, вести активную деятельность в Интернете и т. п. Хочу обратить внимание на слова Л. Мизеса об исключительно важном месте в формировании общественных представлений и убеждений экономической науки, которая, по его мнению, “определяет весь ход человеческой истории” [14, с. 810].

* Загальні тенденції тіньової економіки в Україні, 9 міс. 2016 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.me.gov.ua/Documents/List?lang=uk-UA&id=e384c5a7-6533-4ab6-b56f-50e5243eb15a&tag=TendentsiiTinovoiEkonomiki>.

** Таблиці моніторингового опитування “Українське суспільство”, 2015 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://i-soc.com.ua/institute/el_library.php.

*** Там же.

Выводы

Из изложенного можно сделать некоторые выводы:

- культура, институты воспроизводят социальный капитал государства, а эффективность его реализации определяется динамикой экономического развития государства и качества жизни его граждан;
- нельзя отделять культуру, политику и общественную риторику от экономической жизни, поскольку они имеют главенствующее влияние на институциональную архитектуру общества и его экономику;
- украинцы не настроены на радикальные изменения в европейском контексте, на понимание того, что нас ждет долгая дорога к зажиточной жизни, о которой мы мечтаем, но для ее достижения мало делаем;
- необходимо не только обучаться опыту государственного созидания, но и учитывать национальные особенности, которые сложились за столетия, и понимать, что избавиться от бремени прошлого невозможно в сжатое время;
- нужно уделять особое внимание информационной политике в целях формирования у обычных граждан новой культуры, нового видения мира и себя в нем.

Список использованной литературы

1. *Гец В.М.* Общественный капитал – 25: огосударствленность или государственное созидание? // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 3–6.
2. *Дитон А.* Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства ; [пер. с англ.]. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. – 368 с.
3. *Мизес Л.* Либерализм. – М. : Социум, 2007. – 240 с.
4. *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М. : Наука, 1994. – 365 с.
5. *Хелпман Э.* Загадка экономического роста ; [пер. с англ.] ; [под ред. М. Ханавой, Е. Синельниковой]. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. – 240 с.
6. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М. : Фонд "Начала", 1997. – С. 21.
7. *Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческого общества ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ, 2010. – 720 с.
8. *Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. – М. : Новое изд-во, 2008. – 300 с.
9. *Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты ; [пер. с англ.]. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 338 с.
10. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ; АСТ МОСКВА, 2008. – 480 с.
11. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.
12. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений ; [пер. с англ.]. – М. : ИД ВШЭ, 2010. – 256 с.
13. *Макклоски Д.* Риторика экономической теории / Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания ; [гл. ред. Я.И. Кузьминов]. – М. : ИД ВШЭ, 2011. – С. 252–320.
14. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск : Социум, 2007. – 878 с.
15. *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

16. *Фелпс Э.* Массовое процветание. Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений ; [пер. с англ.]. – М. : Изд-во Института Гайдара; Фонд “Либеральная миссия”, 2015. – 472 с.
17. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными ; [пер. с англ.]. – М. : ИД ВШЭ, 2014. – 384 с.
18. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ, 2016. – 693 с.
19. *Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире? ; [пер. с англ.]. – М. : Олимп Бизнес, 2004. – 272 с.
20. *Бальцерович Л., Жоньца А.* Загадки экономического роста: Движущие силы и кризисы – сравнительный анализ ; [пер. с польского Ю.В. Чайникова] ; [под ред. А.В. Куряева]. – М. : Мысль, 2012. – 512 с.
21. *Алесина А., Джулиано П.* Культура и институты // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 24–56.
22. *Заостровцев А.* Современная австрийская школа об институтах, проблемах развития и роли экономиста // Вопросы экономики. – 2015. – № 7. – С. 73–86.
23. *Данилишин Б.М.* Тактика эволюционизма в современном экономическом развитии мира (в аспекте Третьей и Четвертой промышленных революций) // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 44–61.
24. *Автономов В.* На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? // Вопросы экономики. – 2015. – № 8. – С. 5–24.
25. *Ченурко Г.* Культурна ментальність цивілізаційного вибору. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін : зб. наук. праць Інституту соціології НАН України, 2015. – Вип. 2. – С. 31–39.
26. *Патнем Р.Д., Леонарді Р., Нанетті Р.Й.* Творення демократії: традиції громадянської активності в сучасній Італії. – К. : Основи, 2001. – С. 34.
27. *Новіков В.* Соціальний капітал України в цифрах та порівняннях [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravda.com.ua/columns/2013/06/10/6991590/>.
28. *Юданов А., Пыркина О., Беккер Е.* О границах неразрешимости “проблемы безбилетника” // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 57–75.
29. *Юрчик Г.М., Самолюк Н.М.* Оцінювання диференціації доходів населення України з урахуванням їх тіньової компоненти // Демографія та соціальна економіка. – 2016. – № 3. – С. 133–145.
30. *Монтень М.* Опыты. Книга первая, глава XXI “О силе нашего воображения”. – М. : Голос, 1992. – 316 с.

References

1. Heyets V.M. *Obshchestvennyi kapital – 25: ogosudarstvennost' ili gosudarstvennoe sozidanie?* [Social capital – 25: establishment of the state or its development?]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 3–6 [in Russian].
2. Deaton A. *Velikii Pobeg. Zdorov'e, Bogatstvo i Istoki Neravenstva* [The Great Escape. Health, Wealth, and the Origins of Inequality]. Moscow, PH of Gaidar Institute, 2016 [in Russian].
3. Mises L. *Liberalizm* [Liberalism]. Moscow, Sotsium, 2007 [in Russian].
4. Sorokin P. *Obshchedostupnyi Uchebnik Sotsiologii. Stat'i Raznykh Let* [Public Textbook of Sociology. Articles of Different Years]. Moscow, Nauka, 1994 [in Russian].

5. Helpman E. *Zagadka Ekonomicheskogo Rosta* [The mystery of economic growth]. M. Khanaeva, E. Sinel'nikova (Eds.). Moscow, PH of Gaidar Institute, 2011 [in Russian].
6. North D. *Instituty, Institucional'nye Izmeneniya i Funktsionirovanie Ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Fund “Nachala”, 1997, p. 21 [in Russian].
7. Diamond J. *Ruzh'ya, Mikroby i Stal': Sud'by Chelovecheskogo Obshchestva* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Moscow, AST, 2010 [in Russian].
8. Harrison L. *Kto Protsvetaet? Kak Kul'turnye Tsennosti Sposobstvuyut Uspekhu v Ekonomike i Politike* [Who Prospers: How Cultural Values Shape Economic and Political Success]. Moscow, New PH, 2008 [in Russian].
9. Lal D. *Neprednamerennye Posledstviya. Vliyanie Obespechennosti Faktorami Proizvodstva, Kul'tury i Politiki na Dolgosrochnye Ekonomicheskie Rezul'taty* [Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-run Economic Performance]. Moscow, IRISEN, 2007 [in Russian].
10. Fukuyama F. *Velikii Razryv* [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]. Moscow, AST; AST MOSKVA, 2008 [in Russian].
11. Fukuyama F. *Doverie: Sotsial'nye Dobrodeteli i Put' k Protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow, AST, 2004 [in Russian].
12. North D. *Ponimanie Protsessa Ekonomicheskikh Izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow, PH of HSE, 2010 [in Russian].
13. McCloskey D. *Ritorika Ekonomicheskoi Teorii, v: Istoki: Sotsiokul'turnaya Sreda Ekonomicheskoi Deyatel'nosti i Ekonomicheskogo Poznaniya* [The Rhetoric of Economics, in: Origins: Socio-cultural Environment of Economic Activity and Economic Cognition]. Ya.I. Kuz'minov (Ed.). Moscow, PH of HSE, 2011, pp. 252–320 [in Russian].
14. Mises L. *Chelovecheskaya Deyatel'nost': Traktat po Ekonomicheskoi Teorii* [Human Activity: a Treatise on Economics]. Chelyabinsk, Sotsium, 2007 [in Russian].
15. Hayek F.A. *Pravo, Zakonodatel'stvo i Svoboda: Sovremennoe Ponimanie Liberal'nykh Printsipov Spravedlivosti i Politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy]. Moscow, IRISEN, 2006 [in Russian].
16. Phelps E. *Massovoe Protsvetanie. Kak Nizovye Innovatsii Stali Istochnikom Rabochikh Mest, Novykh Vozmozhnostei i Izmenenii* [Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change]. Moscow, PH of Gaidar Institute, Fund “Liberal Mission”, 2015 [in Russian].
17. Reinert E.S. *Kak Bogatye Strany Stali Bogatymi, i Pochemu Bednye Strany Ostayutsya Bednymi* [How Rich Countries Got Rich ... and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, PH of HSE, 2014 [in Russian].
18. Acemoglu D., Robinson J. *Pochemu Odni Strany Bogatye, a Drugie Bednye. Proiskhozhdenie Vlasti, Prosvetaniya i Nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow, AST, 2016 [in Russian].
19. De Soto H. *Zagadka Kapitala. Pochemu Kapitalizm Torzhestvuet na Zapade i Terpit Porazhenie vo Vsem Ostal'nom Mire?* [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]. Moscow, Olimp Biznes, 2004 [in Russian].
20. Balserowicz L., Rzońca A. *Zagadki Ekonomicheskogo Rosta: Dvizhushchie Sily i Krizisy – Sravnitel'nyi Analiz* [Mysteries of Economic Growth: Driving Forces and Crises – a Comparative Analysis]. A.V. Kuryaev (Ed.). Moscow, Mysl', 2012 [in Russian].
21. Alesina A., Giuliano P. *Kul'tura i instituty* [Culture and institutions]. *Voprosy Ekonomiki – Issues of Economics*, 2016, No. 11, pp. 24–56 [in Russian].

22. Zaostrovtssev A. *Sovremennaya avstriiskaya shkola ob institutakh, problemakh razvitiya i roli ekonomista* [Modern Austrian school on institutions, development problems and the role of the economist]. *Voprosy Ekonomiki – Issues of Economics*, 2015, No. 7, pp. 73–86 [in Russian].

23. Danilishin B.M. *Taktika evolyutsionizma v sovremennom ekonomicheskom razvitii mira (v aspekte Tret'ei i Chetvertoi promyshlennykh revolyutsii)* [The tactics of evolutionism in world's modern economic development (in the aspect of the Third and Fourth industrial revolutions)]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 44–61 [in Russian].

24. Avtonomov V. *Na kakie svoistva cheloveka mozhnet operet'sya ekonomicheskii liberalizm?* [Which human qualities can economic liberalism be based on?]. *Voprosy Ekonomiki – Issues of Economics*, 2015, No. 8, pp. 5–24 [in Russian].

25. Chepurko G. *Kul'turna mental'nist' tsyvilizatsiinoho vyboru* [Cultural mentality of civilizational choice]. *Ukrains'ke suspil'stvo: monitoryng sotsial'nykh zmin. Zb. nauk. Prats' Instytutu sotsiologii NAN Ukrainy – Ukrainian society: monitoring of social changes. Coll. of Scientific Works of the Institute of Sociology of the NAS of Ukraine*, 2015, Iss. 2, pp. 31–39 [in Ukrainian].

26. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Tvorenniya Demokratii: Tradytzii Gromadyans'koi Aktyvnosti v Suchasniy Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Kyiv, Osnovy, 2001, p. 34 [in Ukrainian].

27. Novikov V. *Sotsial'nyi kapital Ukrainy v tsyfrakh ta porivnyannyakh* [Social capital of Ukraine in figures and comparisons], available at: <http://www.pravda.com.ua/columns/2013/06/10/6991590/> [in Ukrainian].

28. Yudanov A., Pyrkina O., Bekker E. *O granitsakh nerazreshimosti “problemy bezbiletnika”* [On the limits of unsolvability of the “free rider problem”]. *Voprosy Ekonomiki – Issues of Economics*, 2016, No. 11, pp. 57–75 [in Russian].

29. Urchik G.M., Samoliuk N.M. *Otsinyuvannya dyferentsiatsii dokhodiv naseleennya Ukrainy z urakhuvannyam ikh tin'ovoi komponenty* [Income differentiation of residents of Ukraine under conditions of shadow economy]. *Demografiya ta sotsial'na ekonomika – Demography and social economy*, 2016, No. 3, pp. 133–145 [in Ukrainian].

30. Michel de Montaigne. *Opyty. Kniga pervaya, glava XXI “O sile nashego voobrazheniya”* [Essays. Book the first, chapter XXI “Of the Force of Imagination”]. Moscow, Golos, 1992 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 22 марта 2017 г.